

В. Туцев

ДЕТИ ШПИОНОВ 2008

ЧЕРНЫЙ КОТЕНОК

Валерий Борисович Гусев
Дети шпионов 2008
Серия «Дети Шерлока
Холмса», книга 33

*Текст книги предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=165795
Гусев В. Дети шпионов 2008: Повесть: Эксмо; М.; 2008
ISBN 978-5-699-20080-1*

Аннотация

Вечно Алешка притягивает к себе неприятности! И старшего брата Димку в них впутывает. Вот и на этот раз... В класс пришла новенькая, да не просто так пришла, приехала из самой Америки. Алешка сразу же подружился с Викой, а за ее папой... стал следить. Потому что очень уж подозрительно вел себя скромный преподаватель литературы. Так Алешка с Димкой вышли на след секретных американских агентов. И вмешались в серьезные шпионские игры...

Содержание

Глава I	4
Глава II	17
Глава III	32
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Валерий ГУСЕВ

ДЕТИ ШПИОНОВ 2008

Глава I

СТРАННАЯ НАХОДКА

В Алешкином классе появилась новенькая.

Она приехала из Америки. Там ее родители занимались какими-то делами. Мама ходила по магазинам, а папа читал лекции для американских студентов про нашу русскую литературу. А девочка училась в русской школе при посольстве. А теперь она будет учиться в нашей школе, в третьем классе.

Ее привела в класс Любаша, их учительница, Любовь Михайловна, и сказала:

– Это наша новая ученица. Сейчас она сама расскажет о себе.

– Май нейм из Вики, – бодро начала новая ученица, но Алешка тут же перебил ее, заявив во весь голос, на весь класс:

– Помедленнее, пожалуйста!

– И по-русски, – добавила Любаша.

По-русски девочка говорила не хуже нас. Пожалуй, даже лучше многих. И она рассказала о себе. О том, что она любит

и чего не любит.

– Я люблю папу и маму. И наш красный «Форд». Я люблю получать подарки и знания в школе. Я люблю природу и другие живые существа. Я не люблю дождь, не люблю телевизор, не люблю, когда мне делают замечания.

– Нормально, – сказал мой младший брат. – Богатая программа...

Любаша посадила новенькую рядом с Алешкой. Она вежливо протянула ему ладошку и назвалась:

– Вики.

Алешка удивился:

– Вас много, что ли?

– Почему много? – девочка не сразу его поняла. – Ах, вот ты о чем. Вообще-то, я Вика. А на английский манер – Вики.

– А я Алекс, на английский манер, – представился Алешка. – Что там у вас новенького, в вашей Америке? Индейцы еще водятся?

– Не знаю, я их не видела.

– А ковбойцы?

– Тоже не видела. Ни одного. Мы в Вашингтоне жили.

– А там они, значит, не водятся... А Колумб? Все еще в Америке?

Вика молча пожала плечами. Наверное, Колумба она тоже в Америке не видела. Не водится он там.

На этом вопросе Алешка исчерпал все свои познания об Америке.

– А ты любишь учиться? – спросила его Вика.

– Смотря чему, – уклонился Алешка. – Я красный «Форд» не люблю.

– Почему? – безмерно удивилась Вики.

– А потому что его у меня нет.

– А какая у вас в семье машина?

– Стиральная.

– Алексей! – строго прервала его Любаша, постучав ладонью по столу. – Одно из двух. Или ты будешь слушать, или пойдешь к доске отвечать. Или выйдешь за дверь.

– Из трех, получается, – негромко буркнул Алешка. – Богатый выбор. Как в Америке.

Он что-то в последнее время стал вредничать. Любаша уже три раза записывала в его дневнике нашей маме приглашение зайти в школу. Но пока обходилось. Алешка показывал дневник папе. Папа вздыхал над отметками и спрашивал:

– А за что вызывают-то?

– Это не тебя, – объяснял Алешка с ясными глазами. – Это маму.

Папа на этом успокаивался, а мама о приглашении и не узнавала.

На перемене Вики попросила Алешку показать ей школу.

– Туалет, что ли? – прямо спросил Алешка.

– И туалет тоже, – не смутилась Вики.

Алешка провел ее по всем этажам, показал наши мастер-

ские, где мы изготавливаем всякие поделки для подшефного детского дома; актовый зал, спортзал, буфет, а потом привел ее к директору школы Семену Михайловичу.

– Вот, – сказал Алешка. – Приехала к нам учиться из Америки.

– Я знаю, – слегка удивился директор и отложил свое любимое дело – кроссворд. – Дальше что?

– Я пошел, – сказал Алешка.

– Я с тобой, – сказала Вики.

– Ей нужно уделить внимание, – сказал Алешка.

– Уделяй, – ответил директор.

Ситуация напоминала сцену из книги про Буратино. «Вот я его привел – воспитывайте». Алешке требовалось избавиться от Вики, у него было много своих дел. А директору лишние заботы тоже ни к чему. Если у Алешки была одна забота – Вики, то у директора этих забот – на тысячу учеников. В том числе и на Алешку. Не из самых лучших была эта забота.

Наш директор очень хороший человек, он добрый и умный. Умный человек всегда добрый. А у глупого ума на доброту не хватает. И он сказал:

– Вика, в моей школе не ходят с распущенными волосами до плеч.

– А наша классная наставница Любаша Михайловна? – спросила Вики. – Ей можно?

– Ей можно, – вздохнул директор. – Она взрослая.

Это Любаша-то взрослая? Да она и ростом, и характером вроде третьеклассницы. Не зря ее Любашей прозвали.

Алешка молча достал из кармана круглую резинку. У него в карманах имеются запасы на все случаи жизни. Вики собрала волосы в хвостик.

– Вот, – удовлетворенно вздохнул Семен Михалыч. – На человека похожа.

– И на лошадь, – добавил Алешка.

– А вот в Америке... – начала было Вики, но Алешка ее перебил:

– Америка далеко. Я пошел.

– Я с тобой.

Но тут прозвенел звонок на следующий урок.

Потом, после школы, Алешка мне с возмущением рассказывал:

– Дим, она ко мне прилипла! Эта американская гёрла. Липучка.

– Леш, – сказал я. – Ей здесь непривычно. Ей нужно помочь освоиться.

– Дим, а ты не можешь ей помочь освоиться? Ей непривычно, а мне некогда, мы самолет строим.

– Какой еще самолет?

– Летающий, Дим. Под облаками.

– В Америку полетите?

– Что мы там не видели? Мы полетим... это... как бы... выше дерева ходячего, ниже облака стоячего. Понял?

– Нет. Кто сказал?

– Васек! – Алешка объявил это имя с такими распахнутыми глазами, словно Васек – по крайней мере наш президент.

А Васек – он попроще. Он наш новый учитель трудового воспитания. Бывший военный летчик. Мы о нем уже все знали. Он летал на сверхзвуковом самолете, на гордости нашего воздушного флота. А эта наша гордость вдруг загорелась, Васек ее направил в безлюдный район, чтобы не пострадали мирные жители, а сам катапультировался. И приземлился на крону сосны, сломал себе ногу и повредил слух. Его из армии выгнали, как непригодного. Потому что он стал хромать и плохо слышать. Кому он там такой нужен? А наш директор, Семен Михалыч, тоже в прошлой жизни военный полковник, взял его в школу. Чтобы он занимался с нами трудовым воспитанием. Хотя, честно говоря, кому оно, это воспитание, нужно? Трудиться после школы у нас никто не собирается. Наши девочки все пойдут в модели, а пацаны – в менеджеры. Не все, конечно, это я преувеличил. Я, например, пойду в полковники милиции, как наш папа, буду бороться с преступностью. А Лешка... не знаю. Он с самых детских лет уже столько профессий перебрал, что, наверное, только к своей пенсии и определится.

– Эх, Дим, что я наделал, – скажет он шамкающим голосом. – Мне бы в артисты пойти...

В общем, мы с Алешкой насчет этих – то есть этой Вики – в тот раз не договорились. Но вдруг очень скоро все изме-

нилось.

А началось все с очень странного события. Через несколько дней Алешка вдруг засуетился. Как воробей на помойке, говорит в таких случаях папа. Он сидел за своим письменным столом и вместо уроков рисовал этот самый самолет, который они строили с Васьком. И вдруг замер. А потом спросил:

– Дим, а где папин старый увеличитель? Ты не выносил его на помойку?

Папа раньше много фотографировал. Особенно – маму. И сам проявлял пленки и печатал карточки. На пять альбомов напечатал. А потом ему за каких-то пойманных бандитов дали премию – современный фотоаппарат. И мама вздохнула с облегчением:

– Я счастлива! Наконец-то у нас будет нормальная ванная, а не фотолаборатория. – И велела отправить фотоувеличитель из ванной на антресоли. Хорошо, что не на помойку.

– Дим! – Алешка вскочил. – Достань его, а? Очень срочно нужен.

Я сначала решил, что старый увеличитель понадобился зачем-то в школе, для строительства самолета. И, как оказалось, «шибко ошибился».

Вообще-то мы обычно очень любим за чем-нибудь лазить на антресоли. Это «что-нибудь» всегда почему-то оказывается у самой дальней стенки, в самой глубине. И чтобы это достать, приходится все вытаскивать. И чего там только нет!

Давно забытого. Хранить незачем, а выбросить жалко.

Больше всего мы с Алешкой любили раскрывать коробки с нашими детскими игрушками. Сразу вспоминается далекое и беззаботное детство. И наша комната превращается в магазин детских товаров, бывших в употреблении. Еще как бывших-то!..

Но в этот раз Алешку ничто, кроме увеличителя, не волновало. Меня это удивило, особенно когда он распорядился собрать увеличитель и поставить его в ванной. Да еще и заперся там на шпингалет.

Через некоторое время Алешка позвал меня через дверь и еще больше меня удивил:

– Дим! Подсунь мне сюда бумагу и ручку. В темпе!

Алешка в нашей семье самый младший. Но когда он начинает командовать, то даже папа бросает все свои дела и подключается к делам Алешкиным. И я послушно подсунул под дверь ванной листок из тетради и авторучку. И даже ни о чем его не спросил – все равно не скажет.

Скоро пришла мама, мы с ней отнесли сумки в кухню.

– А где Алешка? – спросила мама. – Опять собак гоняет?

– Он в ванной. С увеличителем.

– Что?! Опять?! Алексей! Живо выметайся! Что за фокусы?

Алешка вышел из ванной какой-то странный. Задумчивый. Даже, я бы сказал, встревоженный. Со сложенным в несколько раз листком из тетради. Он зажал его в кулаке,

словно боялся, что бумажку отнимут. И тут же прошмыгнул в нашу комнату.

– А пылесос? – крикнула ему вслед мама. – То есть увеличитель!

– Димка уберет, – со спокойной уверенностью отозвался Алешка.

Димка, конечно, убрал, а мама еще долго фыркала в кухне, разбирая продукты. А Лешка затаился. Сидел за своим столом и думал. Обычно он думает очень быстро, решение принимает мгновенно. А тут... Тут я даже забеспокоился. Он даже не рванулся к телефону, когда тот зазвонил. Как правило, Алешка первым бежит на телефонный звонок, в твердой уверенности, что никому, кроме него, никто позвонить не может.

– Американки, – сказала мама, сняв трубку и послушав. – Две какие-то Вики. Алешку.

Алешка вздохнул и, пробормотав: «Так я и знал», взял трубку.

– Привет, – сказал он. – Хай! Здравсьте! – последнее слово он произнес уже совсем не в знак приветствия, а с возмущением. – У вас так в Америке делают, да? Вы все там такие умные, да? Сначала дарите, а потом отбираете? И кому-нибудь другому дарите? Не зря от вас все индейцы разбежались! Да у меня его нет. Где, где! Выбросил, случайно. Да я тебе таких сто штук подарю, на Новый год. Чао!

Алешка положил трубку и повторил со вздохом загадоч-

ную фразу: «Так я и думал!»

– Проблемы? – спросил я.

– Ну ее на фиг! – вырвалось у Алешки. – У самих красный «Форд», а сами из-за всякой ерунды жадничают.

– В чем дело-то?

– Да ну... – Алешке, видно, не терпелось со мной поделиться, но только, как я узнал потом, не самым главным в этой истории. В которую он попал из-за своей слишком большой сообразительности. – Она, Дим, мне календарик подарила. С ихним Дедом Морозом. Он, Дим, совсем на нашего не похож. С фонарем почему-то. В очках...

– Не отвлекайся.

– Ну, а я этот календарик потерял. А она вдруг передумала. Говорит: «Ах, ах, я ошибилась. Этот подарок я не могла тебе сделать, это папин календарик. И теперь у нас в семье проблемы!»

Неслабо, подумал я. Проблемы из-за такой ерунды? Ну и папа! Просто жлоб какой-то.

– Плюнь, – сказал я Алешке. – Купи ей календарик с нашим Дедом Морозом. Без фонаря. И без очков. С мешком подарков. Пусть успокоится.

Но Вика не успокоилась. На следующий день она пришла в школу со своим папой.

Викин папа на вид был не очень внушительный. Вроде мальчугана, узенький в плечах и какой-то «недорослый». И взгляд у него – нерешительный. Словно он говорит на ино-

странном языке и не уверен в своем произношении. Вика звала его не папой, не дэдом, а Славиком. Как старшего брата. Ненамного старшего.

Славик сразу же пристал к Алешке. Но очень вежливо:

– Мальчик, я тебя очень прошу: верни мне эту вещь, которая тебе не принадлежит. Я даже могу дать тебе за нее три доллара.

Алешка объяснился также вежливо:

– Не верну. Я эту вещь потерял. И тоже могу дать вам за нее три доллара.

Тогда Викин папа поперся жаловаться к директору. Семен Михалыч очень удивился, но все-таки позвал Алешку. Викин папа уже ушел, и поэтому разговор в кабинете директора был весьма откровенным.

– Оболенский, отдай ты ему эту безделушку, уж очень он из-за нее переживает.

– А у меня ее нет! – Алешка даже возмутился – сколько же можно! – Я эту безделушку выбросил. Я ему другую куплю.

– Ты такую не купишь. Он мне сказал, что на этом календарике записал очень важный номер телефона своего американского коллеги.

Алешка при этих словах так многозначительно усмехнулся, что Семен Михалыч должен был насторожиться. Но он не насторожился. У него была тыща дел по школе. И ежедневный кроссворд. А тут еще эта ерундовая склока...

– Я бы на вашем месте, – сказал Алешка в дверях, – эту

бы Вику из школы исключил.

– Еще чего! Тоже мне – советчик нашелся.

– Вы мне за этот совет еще когда-нибудь спасибо скажете. – И Алешка гордо удалился.

А Семен Михалыч глубоко задумался... Над кроссвордом.

А вечером случилось еще одно событие. Мелкое такое. Мне понадобился маркер, и я стал его разыскивать в ящиках Алешкиного стола. Это дело непростое. Мама про эти ящики говорит: «У тебя, Алеша, там солдат с ружьем потеряется». По-моему, даже с пушкой.

Никак мне этот маркер не попадался, я все ящики до самого дна перевернул. Страшнее, чем у нас на антресолях, неразбериха у него там.

Нашел! Только не маркер. А тот самый календарик с нашим Дедом Морозом. И сначала я даже обрадовался за Алешку: одной проблемой у него будет меньше. А потом... Потом я сообразил, что этот календарик вовсе не потерялся в столе. Он был тщательно спрятан.

Но я Алешке ничего не сказал. И правильно сделал. Потому что уже на следующий день все изменилось. Алешка помирился с Викой. Даже подружился с ней!

– Мам, сказал он, придя из школы, – ты бы что-нибудь испекла. Или торт купила бы.

– Зачем? – удивилась мама. – Что за праздник? Пятерку

по русскому получил?

– Щаз! У нее получишь! – фыркнул Алешка, имея в виду Любашу. И объяснил: – К нам в гости одна бывшая американка просится. Ничего себе такая, с хвостом на макушке. На лошадь похожа. Учиться любит.

– Пусть дома любит, – сказала мама. – У меня стирка.

– Она тебе поможет, – сказал Алешка. – Она и стирать любит.

– И пылесосить? – с надеждой спросила мама.

Алешка этот намек пропустил мимо ушей. Он это умеет. Да что там намек! Ему можно прямо сказать: «Лех, помой посуду», а он, словно и не слышит, посмотрит в окно и задумчиво сообщит: «К вечеру, наверное, дождь соберется». Будто этот «наверное, дождь» помоем нам, наверное, посуду...

– Я пошел, – сказал Алешка. – За тортом. Мам, дай мне денег! А то придет американка, а у нас в доме ничего съедобного нет. Что она о тебе подумает?

– Почему нет? – обиделась мама. – Каша пшенная есть. Правда, она немного пригорела.

– В Америке пригорелые каши не едят! – уверенно заявил Алешка. Так, словно он прекрасно знает, что едят в Америке, а что нет.

Да, явно что-то странное намечается. Особенно с этим увеличителем...

Глава II

ХОЛЕСТЕРИН СО СКОРЛУПОЙ

На пригорелую кашу Вика не пришла. Она пришла на следующий день. Мамы дома не было, и Алешка взял на себя проблему угощения бывшей американки.

– Холестерин будешь? – спросил ее Алешка.

На нашем домашнем языке мы называем так яичницу. С папиной легкой руки. Как-то в каком-то ток-шоу какая-то ведущая допрашивала какого-то писателя – что он «кушает на завтрак».

– Яичницу из шести яиц! – гордо ответил какой-то писатель.

– Это же сплошной холестерин! – в ужасе всплеснула руками какая-то ведущая и прижала их к побледневшим щекам.

А папа тут же сказал:

– Я бы этому холестеринчику с лучком очень бы порадовался.

И мама пошла жарить ему яичницу. Из шести яиц и с лучком.

А Вика, конечно, Лешкин вопрос не поняла и гордо ответила. Как писатель:

– Мы лекарства на завтрак не едим.

– Мы тоже, – сказал Алешка. – Только на ужин. Перед сном.

Вика обошла всю нашу квартиру.

– У вас – ничего, – сказала она. – Уютненько. Зато у меня есть своя комната. А у тебя, Алекс?

– Конечно! – ответил Алешка. – И у Димки – тоже. – И ведь, по сути, не соврал. У нас с ним одна комната на двоих. Зато самая веселая.

Алешка пошел на кухню – жарить холестерин, а меня оставил развлекать гостью.

– А это стол Алекса? – спросила она. – Можно за ним посидеть? Ой, какой у него беспорядок!

– Зато ничего не теряется, – заступился я за младшего брата. – А если мама порядок наведет, так потом ничего не найдешь.

– Миленький столик. – Вика уселась и стала перебирать Алешкино имущество. – Не теряется! А мой календарик он потерял.

– Он не потерял, – опять заступился я. – Он его выбросил. Нам чужие Деды Морозы не нужны. Своих хватает!

– Как же можно выбрасывать чужую вещь?

– А как же можно дарить чужую вещь?

Вика не очень-то меня слушала, она все время шарила руками по столу.

– А можно, я посмотрю, что у него в ящиках? Там такой же беспорядок?

– Там еще лучше, – сказал я. – Но я тебе не советую туда лазить. У него там граната. Как рванет!..

Вика испуганно вскочила со стула и отошла подальше от стола. Что мне и было нужно. Но я не соврал. У Алешки и правда в ящичке валяется граната. Но она не настоящая, учебная. Ему подарил ее наш дядя Боря, командир мотострелкового полка. Однажды этой гранатой Алешка разогнал целую банду, впрочем, я уже об этом когда-то рассказывал. Вика немного успокоилась и опять стала подбираться к столу. Что-то она надеялась там найти. Но тут пришел Алешка и позвал ее в кухню.

– Я тебя покормлю, – сказал он. – А то что-то ты похудела в своей Америке.

– Ну, ты сказал! У меня прекрасная фигура!

– Загляденье, – сказал Алешка. – С такой фигурой хорошо в прятки играть. Пошли в кухню.

Алешка добросовестно и гостеприимно покормил Вику. Правда, не пригоревшей кашей, а горелой яичницей с осколками скорлупы, зато вволю напоил ее чаем из большой папиной кружки.

И тут я заметил одну странную вещь. В разговоре с Викой Алешка к месту и не к месту (чаще не к месту) стал вставлять те немногие английские слова и выражения, которые ему удалось запомнить на уроке. «Фейсом об тейбл! Вау! Хай!»

Вика немного морщилась при этом, иногда даже вздраги-

вала, а потом не выдержала:

– Ну и произношение у тебя, Алекс.

Я думал, что Алешка обидится, взорвется и достойно ответит, так, что ей мало не покажется. Но он смиренно вздохнул и жалобно признался:

– Да, я не очень способный к языкам. Тупой даже. Тор-моз. А сейчас без знания иностранного языка никуда не сунешься. Даже в магазин. – И тут он подмигнул мне. Два раза. Правым и левым глазом. И, как ни странно, я его понял. И сказал:

– Вика, ты бы помогла ему. Ты же хорошо знаешь и русский, и английский. У тебя получится.

Вике это понравилось. Но она для вида поломалась немного.

– Ну... если Алекс будет меня слушаться. Он ведь у вас такой неуправляемый.

– Я буду умненький и благоразумненький! – поспешно выпалил Алешка. – Я даже руки буду мыть перед едой.

А дальше Алешка завел какую-то пустую болтовню. За его хитрым многословием я с трудом уловил главную мысль. Она сводилась к тому, что, во-первых, теперь Вика должна пригласить его к себе в гости, желательно на обед, а во-вторых, что в нашей квартире совершенно нет условий для занятий английским языком и делать это лучше всего у Вики дома.

– Я у вас буду лучше усваивать английские слова, – убедительно заявил Алешка. – А тут нам Димка будет мешать.

Вика согласилась не сразу:

– Мой папа тобой недоволен.

– Ничего, – беззаботно отмахнулся Алешка. – Он ко мне привыкнет. Узнает получше – и привыкнет.

«Скорее наоборот», – подумал я, внутренне улыбнувшись.

Тут пришла наша мама, приняухалась к запаху горелой яичницы и упрекнула Алешку:

– Чем же ты девочку накормил? Вика, хотите пшенной каши?

– Не хочет, – твердо сказал Алешка.

– Хочу! – неожиданно заявила Вика.

– Она пригорелая, – предупредил Алешка.

– Я как раз такие каши люблю. И Славика к ним приучила.

И тут выяснилось, что Вика живет с папой без мамы. Мама почему-то осталась в Америке. Наверное, ей по магазинам надо еще походить. А Вика, кроме занятий в школе, следит за домом и готовит пригорелые каши.

Маму все это тронуло, и она решила Вику как следует покормить. Мне кажется, и Вике было приятно посидеть в семейном кругу, где хозяйничает за столом хоть и чужая, но все-таки – мама.

В одно прекрасное утро – прямо среди белого дня, по-

сле школы, – Алешка вдруг поскреб джинсы щеткой, потер кроссовки тряпкой и заявил:

– Я пошел умываться и чистить зубы.

– Что с тобой? – спросила, обеспокоившись, мама. – Ты не заболел?

– Он влюбился, – сказал я.

– Еще чего! – фыркнул Алешка. – Я иду в гости. По делу. Буду осваивать английский язык. Американским способом.

– Давно пора, – сказала мама. – А то тебя в ванную не загонишь.

– Не загонишь, – разворчался Алешка. – Все из-за вашей школы! Или учись, или мойся.

– Это как? – не поняла мама.

Алешка доходчиво объяснил:

– Утром некогда – в школу бежать надо. Днем тоже некогда – уроки делать надо. Вечером надо пораньше спать ложиться, чтобы утром в школу не опоздать.

– Замкнутый круг, – вздохнула мама. – Как же тебе, бедному, живется? Надо школу бросать.

– Правда? – оживился Алешка. – Мам, я тогда хоть целый день буду в ванной сидеть.

– Кораблики пускать, – сказал я.

– Подводную лодку, – поправил меня Алешка.

Да, кораблики он уже оставил, еще в раннем детстве. Сейчас он, попутно с самолетом, строил модель подводной лодки. В натуральную величину. Васек не возражал. «Нам все

сгодится, – говорил он. – Хоть космический корабль».

– А как же английский? – спросила мама. – Тогда он ни к чему.

И вот тут я удивился. Алешка вдруг заволновался и поспешил объяснить:

– К чему, к чему! И школа к чему. Когда-нибудь знания все равно пригодятся. Мам, дай мне сколько-нибудь денег.

– На цветы Вике?

– Еще чего! На подарок.

– А что ты ей хочешь подарить?

– Ничего! Это ее папе подарок. Календарик такой новогодний. Он их собирает. У него сдвиг по фазе – коллекция называется.

Лешка в принципе никогда просто так не врет. Всегда для пользы дела. Но это бывает редко. Зато врет он так плавно и гладко, что звучит это всегда убедительно.

Алешка уже жеребенком топтался возле двери, когда мама дала ему какую-то толстую книгу:

– Подаришь Вике. Это кулинарная книга. Здесь подробно написано, как варить всякие каши, чтобы они не пригорали.

– А тебе она разве не нужна?

– Ты на что намекаешь? – рассердилась мама. – Да я любую кашу могу сварить с закрытыми глазами!

– А я – с завязанными руками, – хихикнул Алешка.

Мама тоже хихикнула, дала ему денег, и он усвистел. На занятия английским языком. С репетитором.

– Что-то тут неладно, – задумчиво проговорила мама, закрывая за ним дверь. – Ты в курсе, Дим?

Наивная у нас мама. Даже если бы я и был в курсе, то, конечно, Алешку бы не заложил.

Но я был не в курсе. И поэтому опять залез в Алешкин стол. Раскопал там спрятанный в коробочку из-под чая календарик и стал его изучать.

Ничего особенного. Так, типа маленькой открыточки. На одной стороне – Санта-Клаус, в очках и с бородой, а на другой – календарь. Дни и месяцы.

До сих пор не знаю, что меня заставило внимательно разглядеть числа. Так, из любопытства – какие у нас теперь красные числа календаря, какие праздники? Все праздники были на месте. Но все-таки чего-то не хватало. Триста шестьдесят пять цифр – каждая на своем месте. Но что-то мне казалось неправильным. Я даже разозлился. И вдруг – удивился. В марте было всего тридцать дней! А я знал точно – их тридцать один. Помню, как мама учила нас по косточкам кулака определять, в каком месяце сколько дней. Это было очень просто. И точно. Косточка выступает – длинный месяц, в тридцать один день; вмятинка между косточками – короткий месяц. В тридцать дней. Но я вдруг засомневался. И это понятно. Сколько тысяч лет, например, люди считали, что Солнце вращается вокруг Земли, а потом вдруг оказалось, что это не так! Совсем наоборот. Впрочем, и сейчас многие люди считают, что не Земля вертится вокруг Солнца,

а Солнце крутится вокруг Земли. Наш Алешка, например. Хорошо еще, что он согласен с тем, что Земля имеет форму шара. Согласен, но не совсем уверен. И предпочитает на эту тему не спорить. «А мне все равно», – говорит он при этом. Да и мне тоже.

Но тут... Тридцать дней в марте... Я засомневался в себе и в своих косточках. И пошел в кухню.

– Мам, сколько дней в марте?

– Один, – сказала она. – Зато самый хороший. Восьмое число. Женский праздник.

У меня сам собой распахнулся рот. Еще одна новость! Я не сразу сообразил, что мама говорит образно.

– А всего? – спросил я. – Хороших и плохих?

– Тридцать один, – сказала мама, переворачивая картошку на сковородке. – Пора бы знать! Хочешь, я научу тебя по косточкам определять, сколько дней в каждом месяце!

– Научила уже, – вздохнул я.

– Плохо научила, – вздохнула и мама, – если ты уже забыл.

Не веришь мне – позвони папе.

Папе я звонить не стал. Еще чего! Звонить в Министерство внутренних дел полковнику Оболенскому с таким нелепым вопросом!

(А этот вопрос, как выяснилось гораздо позже, очень даже его касался. И не только полковника, но и генерала. И не только МВД).

Я вернулся в нашу комнату и снова стал разглядывать ка-

лендарик с неправильным мартом. Может, там и в других месяцах такое же вранье? Нет. Другие месяцы оказались в порядке.

А вот сам календарик – не в порядке. С какой-то щелочкой. Словно он был склеен из двух половинок – на одной половине Санта-Клаус, на другой – сам календарь. Я эту щелочку зачем-то расширил... Из нее выпала какая-то узенькая полупрозрачная пленочка.

Я посмотрел ее на свет. Ничего не разглядел. Похоже, на пленочке есть какие-то тоненькие царапинки. Увеличить бы...

И тут меня осенило! Увеличитель! Лешка быстрее меня сообразил. И засуетился. А после того, как Алешка засуетился с увеличителем, он очень изменился, загадочный такой стал. И задумчивый. Как верблюд в пустыне. Заблудившийся. И английским решил заняться (не верблюд, конечно).

Я быстренько пошарил в ящиках его стола и в книге «Три мушкетера» нашел сложенный листок бумаги. На нем Алешкиной рукой была нарисована некая сложная, совершенно непонятная схема с какими-то буквами, цифрами и значками. Одно только слово было понятно. И это слово было – «Аленка».

Ясно, что схему Алешка, увеличив изображение, срисовал с этой полоски-пленочки.

Я пытался хоть что-то, кроме Аленки, понять на схеме. Не получалось. Но почему-то все тревожнее становилось на

душе. Не простой, однако, календарик!

Мне никак не удавалось разгадать эту схему, но все время казалось, что нечто подобное я уже видел. И даже где-то на чердаке памяти вертелось название такой вот штуки.

Еще чуть – и я вспомню! Но тут явился Алешка. С ускоренных курсов английского языка.

– Би хэппи! – сказал он с порога.

Ни фига себе – «хэппи»! Скорее – хиппи. Весь какой-то встрепанный, взьерошенный и без двух пуговиц на куртке.

– А пуговицы где? – спросил я.

– В кармане, – Алешка присел, переобуваясь, – я их подобрал.

– Подрался?

– Поспорил.

– С кем? С бульдозером?

– С Липошкой. Он без очереди лез.

– В книжном магазине, за календариком?

– В квартиру к Витьке.

Липошка – это Костя Щедрин, Лешкин одноклассник. Страшно умный и грамотный. Он научился читать раньше, чем говорить. К первому классу он прочел уже всего Шекспира и Льва Толстого. И еще у него был прекрасный почерк. Каллиграфический, как говорит Любаша. Этот почерк и подвел Костю.

Ему понадобились деньги на какую-то редкую книгу. Родители ему денег на книги больше не давали, их квартира

и так уже напоминала городскую библиотеку среднего масштаба. И Костя пошел на рынок, наши ребята иногда там подрабатывают. Пустые коробки на склад отнесут, товар помогут с тележки в ларек занести, метелкой могут помахать и всякое другое. А Косте повезло больше всех. Мама ему наказала, чтобы он заодно купил на рынке кое-какие продукты, и Костя аккуратно все записал, чтобы не забыть, на клочке бумаги. И эту записку увидел хозяин нескольких торговых точек – Азевбарджан, – так он себя сам называл.

– Вах! Какой красивый буквы! – И предложил Косте написать «красивым буквом» ценники на товары. Костя обрадовался и согласился. И написал под его диктовку этих ценников десятка три. Или даже пятьдесят. Очень красиво и старательно написал. Азевбарджан ему заплатил и потом водил всех своих коллег любоваться на ценники. Они, эти коллеги, любовались, цокали языками и восхищались на «азевбарджанском» языке. «Красивый буква – красивая товар!» И покупателям эти ценники тоже понравились: «Фарел» (форель, значит), «Кифал» (кефаль), «Шпанат» (шпинат), «Перашки» (пирожки), «Подсливочная масла» (подсолнечное), «Липошка медальной» (лепешка миндальная, пирожное такое), «Дынии сладкий», «Сёмка» (семга). Все читали их с улыбками и хорошо раскупали товар.

Но вот что произошло потом. На рынок пришла Любаша. Она прочла эти ценники и чуть не упала в обморок. И набросилась на Азевбарджана:

– Как вам не стыдно! Вы калечите русский язык!

– Зачем, скажи, калекчите? Куда калекчите? Ты кто такой, красивый девушка? Учитель? Какой плохой учитель! Зачем так плохо малчик учишь? Тебе стыдно! Два раза стыдно.

Любаша, не сделав покупок, прилетела в школу, провела следствие и без труда вычислила Костю – по каллиграфическому почерку. Но тот был безмятежен. Ему не было «два раза стыдно».

– А что такого? Как он диктовал, так я и писал.

– Эх, ты! – Любаша не находила слов. – Липошка медальной!

Так Костю в школе и прозвали. Но он не обижался. Он вообще весь в себе был. В литературе, в Шекспирах и Чеховых. Он даже разговаривал одними цитатами. Его спросишь: «Липошка, в бассейн пойдешь?» Он задумается, как знаменитый Гамлет, и ответит: «Плыть или не плыть?.. Достоин ли – в бассейн ходить помимо книжной лавки?»

Вот с ним Алешка и поспорил на пороге Викиной квартиры. Правда, она теперь уже была не Викой, Алешка стал ее называть попроще – Витькой.

– И что? – спросил я.

– Что-что? Ему Любаша поручила Витьку по русскому подогнать. Витька говорит хорошо, а пишет с американским акцентом. Вот мы с ним и поспорили. В подъезде.

– А он свои пуговицы собрал? Сколько ему не хватило?

– А я знаю? Я их считал, что ли? Он там так разорался!

– И что же он орал?

– Он, Дим, орал, что, прежде чем учить английский, нужно свой родной язык изучить. И обозвал меня.

– Неприлично? – удивился я. Костя неприличные слова никогда не употреблял. А когда их слышал, то хмурил брови и сжимал кулаки.

– Еще как, Дим! Он, знаешь, как меня обозвал? – Алешка наморщил лоб, вспоминая. – А! Вот как: «Ты чЕрезвычайно перЕспективный жентельмен!» Клево, да?

Похоже, Алешке эта «обзывалка» очень понравилась. А у нее была своя предыстория, Алешка мне рассказывал.

А как получилось? Ихняя Любаша дала им письменное задание. Написать, что они смотрят по телевизору и почему. Костя так и написал: «В нашей семье телевизор никто не смотрит. И пока там не заменят безграмотных дикторов, которые говорят: „чЕрезвычайный, перЕспективный и коНпенТентный“, мы его включать не будем».

Но, в целом и в общем, они помирились, собрали оборванные пуговицы и договорились, что один из них будет учить Вику русскому языку, а она будет переучивать Алешку на английский.

– И с чего начали? – спросил я Алешку.

– С английского, – Алешка помолчал. – Ты знаешь, Дим, какая у них классная квартира?

Я думал, он сейчас станет рассказывать про классную мебель, про всякую технику в кухне, а он как-то спокойно, буд-

то знал это заранее, сказал:

– Это, Дим, не просто квартира. Это, Дим, шпионское осиновое гнездо!

Глава III

«ДАВАЙ ВЗОРВЕМ МОСТ!»

Алешка у нас очень наблюдательный. Все замечает. Мама говорит: «От его любопытных глаз ничего не скроешь».

Я тоже наблюдательный. От меня тоже ничего не скроешь. Но я увидел – и забыл. А у Лешки совсем по-другому.

Вот идем мы с ним от метро к дому. Доходим до одного места, и там, под деревом, вся земля и трава (и снег, если на улице зима) засыпаны окурками. Почему именно здесь? Да какая мне разница? Я увидел и забыл. Хотя, конечно, странно. Вот когда вся автобусная остановка в окурках – это понятно. Непонятно только, почему? Ведь рядом урна есть.

И вот идем как-то мы мимо этого «окурочного» места, и я говорю, чтобы показать, какой я остроумный:

– Тут, наверное, какой-нибудь влюбленный ждал свою девушку. Курил и волновался.

Алешка усмехнулся:

– Ага! Года три он здесь ждал, курил и волновался.

Ответить было нечего, а Лешка добавил:

– Ты, Дим, наблюдательный. Только несообразительный.

Ты все видишь, но выводов не делаешь.

– А ты делаешь? – обиделся я. – Шерлок Холмс!

Лешка не обиделся.

– Я не делаю, Дим. Оно как-то само делается. Все как-то само в голове укладывается.

– И окурки? – усмехнулся я.

– И окурки, – Алешка кивнул. – Но это элементарно, Ватсон.

– Вороны натаскали? – сделал я попытку немного побить умным.

– Вороны не курят. Это люди, от них всегда мусора много. Выходит, Дим, человек из метро, закуривает. Идет и курит. Докурил – и бросил окурочок. Ходят все примерно одинаково и курят тоже. Вот и получается, что они все почти в одно место окурки бросают.

– Надо здесь урну поставить, – предложил я.

– Бесполезно. Все равно в урну бросать не будут.

Наверное, он прав. У некоторых людей это болезнь такая. Папа нам рассказывал: когда он был еще совсем молодым и служил участковым, задержал он одного очень приличного хулигана. Я его фамилию до сих пор помню – очень она для хулигана неподходящая: Смирнов.

А что он натворил? Вышел из магазина летним солнечным днем и опрокинул другому гражданину урну на голову. Тот сначала обалдел – стоит, весь в мусоре, глазами хлопает, а потом заорал: «Милиция!»

Папа их доставил в отделение. И выяснилось: этот гражданин, проходя мимо урны, бросил прямо на асфальт недоеденное мороженое в раскисшей бумажке. Оно шлепнулось,

шмякнулось, расплылось на горячем от солнца асфальте. А этот Смирнов не выдержал и отомстил гражданину. И сказал: «Теперь он никогда не бросит мимо урны даже горелую спичку».

Этого Смирного чуть не посадили за злостное хулиганство. Зато гражданин...

– И он – что? – спросил Алешка. – Исправился?

Папа усмехнулся.

– Он еще хуже стал. Он после этого случая ни одну урну не пропускал, чтобы ее не опрокинуть.

– Из вредности? – спросил я.

– Из предосторожности, – уверенно сказал Алешка. – Он следил, чтобы урны были пустые: а вдруг ему опять ее на голову наденут?

Умеет Алешка выводы делать.

Поэтому, когда он назвал квартиру Вики шпионским гнездом, я сразу же ему поверил.

– А как ты догадался? – спросил я.

И Алешка показал мне свою нарисованную схему. Пришлось сделать вид, что я ее в глаза не видел.

– А это что? – спросил я, для убедительности хлопая глазами.

Вместо ответа Алешка пошел в папин кабинет и принес оттуда книгу. Она называлась «Неотвратимое возмездие». И в ней очень интересно рассказывалось, как наши контрразведчики отловили вражеских шпионов. В книге было много

фотографий. На них – сами эти шпионы (вполне приличные люди на первый взгляд) и всякие их шпионские прибабасы. Очень интересные: оружие, крохотные радиостанции, замаскированные под зажигалки, авторучки, тоже не простые. Одна, например, стреляющая, другая – пишущая невидимой пастой, а третья – заряженная снотворным уколom. Там еще много чего было: шифры всякие, отмычки, сканеры, жучки.

Алешка, не говоря ни слова, открыл книгу на нужной странице – там, где фотографии. И я подумал, что в квартире Вики везде: по всем углам, столам и подоконникам – так и валяются эти шпионские штучки. Поэтому Лешка и решил, что там находится «осиновое шпионское гнездо». Наивные только какие-то там шпионы обитают.

Но все оказалось гораздо интереснее и сложнее.

– Смотри, Дим. – Алешка ткнул своим «очень чистым» пальцем в снимок. – Узнаешь?

На фотографии была какая-то маленькая фитюлька, вроде колпачка от авторучки. Только еще меньше. А рядом с фитюлькой – узенькая полосочка.

– Не узнаю, – признался я. – Впервые вижу. – И я прочитал подпись под снимком.

«Рис. 14. Контейнер с микропленкой для закладки в тайник».

– Все равно не узнаю.

– Врешь! Ты ведь нашел в моем столе пленку. Микропленку!

– Ну, нашел, – признался я. – Без всякого контейнера.

– Дим, контейнер – это календарик! Понял? Эту пленку Викин батя привез из своей Америки и теперь должен кому-то ее передать!

– Или не должен. А сам будет ею пользоваться.

– А ты видел, что там, на пленке? – Алешка перевернул страницу. Ткнул пальцем в очередной снимок.

Это была какая-то схема. Квадратики, прямоугольники, какие-то закорючки. И надписи.

– Понял? – Алешка нетерпеливо посмотрел на меня.

– Не гони, дай разобраться.

– Я знаю, Дим, ты соображаешь медленно, но верно.

Похвалил или поиздевался?

Под снимком подпись: «Рис. 15. Схема расположения закладки в районе Андреевского парка».

Я долго вглядывался в снимок – медленно соображал. Но, кажется, верно. Потому что на этой непонятной схеме постепенно становилось все понятно.

Вверху надпись: «Андреевский парк» и нарисованы кривульки, похожие на деревья. Потом, вдоль извилистого пунктира, я разобрал: «Пеш. тр.» – и догадался – «Пешеходная тропа». Слева от «Пеш. тр.» – красивый крестик, а где-то в середине тропы, чуть в стороне, – кружочек с точкой в центре.

– Это что за дырка? – задумался я.

– Щаз! – Алешка сорвался с места, чуть не сшиб меня со

стула и тут же выскочил из папиного кабинета еще с одной книгой. Это был «Справочник следователя».

– Держи! – он сунул мне книгу. – Ищи!

Я посмотрел оглавление. Вот то, что нужно: «Условные обозначения. Местные предметы и ориентиры». Стр. 223!

На этой стр. 223 мы нашли кружочек с точкой. Он означал – «колодец». Возле колодца было написано мелкими буквами: «S. № – 6 сл. – 5 св.».

Это уже было нам не под силу. К тому же мы зря старались. Под снимком был целый абзац с пояснением. «Закладка находилась на северной стороне Андреевского парка. Примерно в трехстах метрах от церкви по пешеходной тропе имелся заброшенный колодец, сложенный из камня. Один из этих камней на южной стенке колодца (S) – шестой слева и пятый сверху – легко вынимался. В образовавшейся нише располагался тайник. Обнаружить его случайно было практически невозможно».

Все ясно, а мы зря старались, голову ломали.

Алешка взял в руки схемку, срисованную с пленки из календарика.

– Вот, Дим, типичная шифровка. Здесь тоже нарисована шпионская записка.

– Закладка, – поправил я его по существу.

А он по существу возразил:

– Да какая разница? Какая разница, в чем содержатся шпионские сведения – в записке или в закладке!

– Заначка, – упрямо объяснил я, – это когда муж от жены деньги прячет.

– А наш папа разве от своей жены деньги прячет?

– Не прячет. Ему нечего прятать. У него всегда денег нет. Он сперва отдает маме всю зарплату, а потом у нее мелочь на сигареты сшибает.

– Дим, – серьезно сказал Алешка, – так нехорошо говорить про родных родителей. – И, не выдержав, расхохотался первым. – Ладно, давай лучше шпионов ловить.

– Это как?

– Это просто. Сейчас расшифруем эту схему, заначку эту. Поедем туда, спрячемся и будем ждать. В засаде. Шпионы за ней придут, а мы как выскочим! Как заорем!

– Они испугаются и убегут, – ехидно сказал я.

– Ну, тогда мы не будем орать. Тихо скажем: «Мордой в землю! Руки за голову!»

– А если они по-русски не понимают?

– Ты молодец, Дим, подсказал. Я эти слова в первую очередь выучу. Надо у Витьки спросить. Или лучше пусть она на бумажке напишет.

Я едва сдержал улыбку, представив себе эту картину. Подходят к «заначке» два здоровенных шпиона, озираются, нервничают. А тут, откуда ни возьмись, выскакивает мелкий пацан, выхватывает из кармана мятую бумажку и, спотыкаясь, читает по ней по-английски: «Мордой в землю! Руки за голову!» Они, конечно, сразу попадают от страха. Мордой в

землю.

На правах старшего брата я предложил:

– Надо папе сказать. Пусть у него голова болит.

– Папа шпионами не занимается. У него голова от бандитов болит. Сами разберемся. Ощетинились?

– Ощетинились, – согласился я.

Это словечко Алешке давно понравилось. Еще когда он понял его в буквальном смысле.

Мы тогда участвовали в футбольном матче. Первого сентября. Команда учащихся против команды учителей. Причем нашу команду сформировали из представителей всех классов – от первого до одиннадцатого. А в команде учителей были только мужчины. Многие из них – молодые и спортивные. Кроме нашего директора школы. Он не очень молодой и совсем не спортивный. Поэтому его поставили на ворота. И правильно сделали. Наш директор – он очень плотный. Но не очень высокий. Метра два, не больше. Или два десять. Он, когда стал в воротах, перекрыл их, как пробка – горлышко бутылки.

К концу матча счет был равным: двадцать-двадцать. Но мы, наша команда, не хотели, чтобы победила дружба. Мы хотели чистой победы. Наш капитан собрал нас в кучку и сказал: «Ощетинились, парни!»

Алешка это «ощетинились» понял по-своему. И когда возле ворот, самоотверженно защищаемых нашим директором, образовалась свалка, толпа и полная неразбериха,

Алешка в удобный момент оцетинился – кольнул директора булавкой в попу. Тот подпрыгнул – и мяч проскользнул в ворота под его ногами.

Самое интересное, что директор не заподозрил в этом коварстве кого-нибудь из нас, а тем более Алешку. Он почему-то был уверен, что это сделала наш завуч по прозвищу Артоша. Хотя Артоша все два тайма просидела, скучая, на трибуне. Но директор уперся и время от времени ворчал: «Я ее знаю. Она меня где хочешь достанет». У них с Артошей (у нее была подходящая фамилия – Артамонова, и она была курчавая и ходила в платье с бантиком сзади – вылитый пудель Артемон, так ее и прозвали), у них с Артошей были разногласия. Артоша хотела стать директором школы, а Семен Михалыч не хотел, чтобы она стала директором.

Про разногласия я неправильно сказал, слишком мягко. Между ними были не просто разногласия, а настоящая вражда. И вся школа об этом, конечно, знала – от нас ведь ничего не скроешь.

Все наши ребята были на стороне директора. Он, конечно, был строгий, но он нас уважал. Артоша тоже была строгая, даже злая, но она нас не уважала. Поэтому мы взаимно уважали директора и не уважали завуча. И я бы сказал, что директор не очень-то воевал с ней, он чаще всего торопливо отбивался от ее нападков, потому что воевать ему было некогда – вся школа «лежала» на его пожилых плечах.

Зато Артоша находила время бегать по всяким, как она

говорила, вышестоящим инстанциям, где критиковала Семена Михайловича. «Он солдафон! – кричала она. – Он ввел в школе палочную дисциплину! Он изгоняет из наших стен ценных работников! И заменяет их непрофессионалами, случайными людьми!»

Не знаю, как там было дело в этих «инстанциях», но мы-то знали, что это не так. Хотя на первый взгляд все соответствовало действительности.

«Изгоняет ценных работников»... Одно время у нас в школе был очень ценный охранник. Настоящий такой крутой мен. Он сначала даже нам понравился.

Этот мен до нашей школы служил опером в отделе по борьбе с наркотиками. А потом он вдруг оттуда почему-то ушел. Или его оттуда почему-то поперли. И Артоша настояла – надо взять его в школу охранником, потому что он был ее племянником. И она стала наезжать на директора:

– Вы, Семен Михайлович, – говорила она, – при Владике можете быть спокойны за школу. Ни один учащийся, опоздавший к первому звонку, не проникнет в здание. И ни один районный хулиган – тоже.

Семен Михайлович пробовал возразить, что районный хулиган и учащийся – это две большие разницы.

– Никакой разницы! – Артоша прижимала кулачки к груди и трясла кудряшками. – И в районе есть хулиганы, и в нашей школе. А Владик – он гроза хулиганов. И в школе, и вокруг школы будет порядок. Уверяю вас!

Семен Михайлович не устоял и взял этого Владика. И сначала не пожалел об этом. Дисциплина в школе повысилась – в смысле опозданий. Тут Владик был крут. А потом он и еще выше поднял свой авторитет и укрепил его.

Однажды вечером на наш школьный стадион явились наши районные хулиганы. ОПГ – мы их так называли: организованная преступная группировка. И они стали безобразничать. Они даже в песочную яму для прыжков набили бутылок из-под пива.

Владик не спеша вышел из школы и сначала поговорил с ними по-человечески. Но они человеческого языка не поняли и даже попытались на него напасть. А потом, утирая носы и почесывая бока, старательно выбирали из песка бутылочные осколки.

Теперь, когда Владик проходил по этажам, в школе наступала тишина. Его или уважали, или боялись. А некоторые ребята с ним дружили, и он позволял им опаздывать в школу и курить в туалете.

У нас, конечно, как и в каждой школе, есть разные ребята. Некоторые курят, некоторые пиво пьют, некоторые матом ругаются. Но самого плохого у нас в школе никогда не было. Никто из наших внутренних хулиганов не грубил учителям и не баловался всякой дурью.

И вот в один далеко не самый прекрасный день эти наши хулиганы пришли к нашему директору и что-то такое ему рассказали.

– Что?! – разбуженным медведем взревел наш полковник, грозно поднимаясь над столом. – Наркота?! Во вверенном мне подразделении?

Он выскочил из кабинета, пролетел, как фугасный снаряд, два этажа и «взорвался» у входной двери.

Владик не успел встать из-за стола. Семен Михайлович схватил его за шиворот и раз пять ахнул башкой о стол. И все это – при скоплении учащихся разных классов. А потом он подтащил Владика к двери и вышиб его из школы настоящим футбольным ударом – пониже спины.

Остановился, осмотрелся бешеными глазами, словно приходил в себя, взял со стола кепку Владика и тоже выбросил ее за дверь. Перевел дыхание и сказал замершим вокруг ученикам:

– Извините.

И, тяжело ступая, пошел в свой кабинет.

Артоша подняла было шум, собираясь сообщить в инстанции «о возмутительном рукоприкладстве», но Семен Михалыч спокойно сказал ей:

– Еще одно слово об этом мерзавце – и он окажется за решеткой.

Мы все, конечно, еще больше зауважали директора. И нам было удивительно, что он, пожилой человек, так легко и мгновенно расправился с молодым и сильным, хорошо подготовленным для драк бывшим опером.

Мы с ребятами об этом много думали и спорили. Многие

говорили: «Михалыч рассвирепел». А из-за чего? Выходит – из-за нас. Ради одного себя он так не разозлился бы.

Так или иначе, но после этого отношения директора и завуча еще больше ухудшились. Особенно когда Семен Михалыч принял в школу Ваську. И все ребята, которые раньше табунком ходили за Владиком, переметнулись к Ваську. А Владик, между прочим, частенько появлялся в окрестностях школы, и, что самое странное, его иногда видели в компании той самой ОПГ, которую он однажды вечером так круто разгромил...

Впрочем, я опять отвлекся. О чем мы говорили? Да – ощетинились.

Я потом объяснил Алешке, что означает этот ходовой термин. Это вовсе не значит, что нужно, подобно ежу, выставить во все стороны локти, коленки и иголки. Просто нужно собраться с силами и пустить все эти силы на достижение победы.

– Иголки тоже не помешают, – сказал мне тогда Алешка.

А сейчас он опять пошел в кабинет и позвонил папе на работу – проконсультироваться. По проблемам увеличителя. А проблемы были. Когда папа сам занимался изготовлением снимков, он и нас пытался в это дело вовлечь. Но сидеть в совершенно темной ванной или при совершенно красном свете – у нас на это не хватало терпения. Ведь сначала нужно было приготовить все растворы – для пленки и для фотобумаги. Проявить, закрепить и промыть пленку. Высушить ее. Потом

сделать с пленки отпечаток на бумаге, проявить его, промыть и закрепить. И опять промыть и высушить. В общем, тягомотина. Правда, когда в ванночке появлялось изображение на белой до этого бумаге, было интересно. Как сначала всякие неясные тени концентрировались, контрастировались – и появлялось изображение. Это мама. И это мама. Мама в кухне, мама в пальто, мама возле магазина...

Но все это мы почти позабыли. Ведь теперь никаких проблем – щелкнул и отдал в проявку и в печать. И получай готовые снимки: это мама на скамейке, это мама у окна, это мама за швейной машинкой.

Теперь нам нужно было вспомнить и заново освоить все эти процессы. Получить снимки: это шпион, это его любимый пистолет, а это – его любимые дети...

– Здесь Штирлиц, – сказал Алешка в трубку. – Пап, где-нибудь в нашей стране имеются всякие проявлятели с закреплятелями? И с промывателями?

– Имеются, – сказал папа. – И довольно недалеко. А тебе зачем?

– Пап, я хочу сам творить фотографии. А то что это такое? Нашелкал – и сдал. И тебе – все готовенькое. А ты сам – ни при чем. Не клево, правда?

– Не клево, – согласился папа. – И не отпад. Проявлятели вместе с закреплятелями на антресолях, в коробке из-под маминых парадных туфель, на которой написано «Термос». Только, Алексей, у них давно истек срок годности.

– У туфель?

– У туфель тоже. Только ты маме об этом не напоминай. А я говорю про закрепитель и проявитель. Плохо получится, неконтрастно. Фотобумага там же, и она тоже старая.

– Фиг с ней, – сказал Алешка. – А промыватель?

– Это еще проще – кран в ванной.

– Тоже старый? – хихикнул Алешка. И попрощался с папой по-английски. Не английским «гуд бай», а просто торопливо бросил трубку.

И развил бешеную деятельность.

– Дим, достаешь коробку с туфлями, разводишь промыватели... то есть проявлятели с закреплятелями. Устанавливаешь увеличитель... то есть увеличитель. Все понял? Ощетинились!

Мы ощетинились... И все-таки сделали вполне приличный отпечаток со шпионской микропленки. Алешкин рисунок получился не очень точным, а для нас любая мелочь на схеме была важна.

Когда снимок высох, мы сели за Алешкин стол с папиным справочником. Но разобраться не успели: пришла мама. Сначала просто пришла, а потом пришла в ужас:

– Опять? Уберите это чудовище обратно! – Это она про увеличитель. И тут она увидела коробку из-под своих парадных туфель с надписью «Термос». – Кстати, надо бы напомнить отцу, чтобы туфли мне купил. В старых уже в прилич-

ное общество не выйдешь. Я из-за этих туфель все время дома сижу. И нигде не бываю. Ни в каких театрах. А только закупаю продукты, готовлю, стираю, глажу, убираюсь. И никто мне не помогает...

Мы сидели, виновато опустив головы. Всем своим видом показывали, как мы сочувствуем маме. А Лешка из сочувствия даже добавил:

– Тебя еще и в школу все время вызывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.